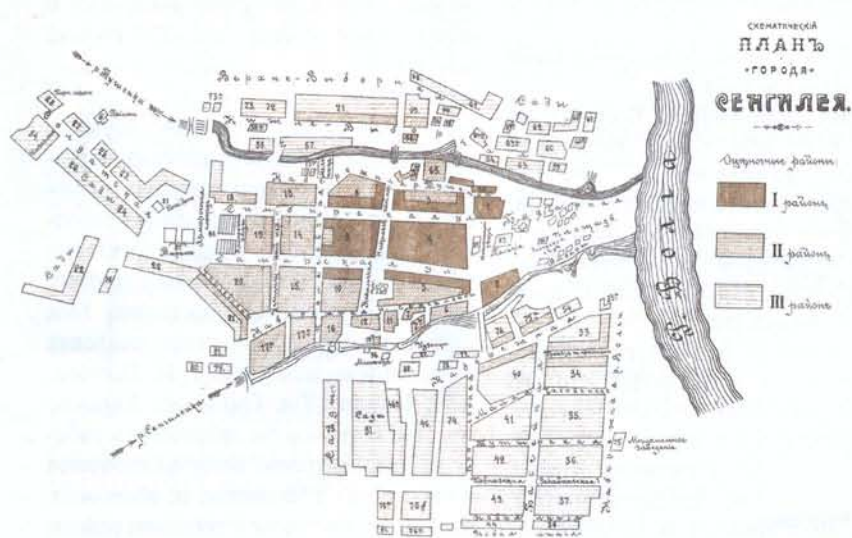

История Сенгилеевского Ольгинского приюта

План Сенгилея начала XX века

В истории Сенгилея есть еще очень много белых пятен. Одним из таких было существование первого детского дома – Ольгинского приюта, который был основан в городе до революции. Почему-то считалось, что приют был открыт и содержался на средства городского головы купца-мецената Баукина и находился где-то на улице Ленина. Попробуем восстановить историю создания приюта. Основой исследования являются воспоминания бывшей воспитанницы Анны Николаевны Турлаковой (Умновой), отчеты приюта за 1900 и 1901 годы и документы, хранящиеся в районном архиве.

В 1895 году, в связи с рождением дочери, великой княжны Ольги, император Николай II повелел учредить в ближайших окрестностях Санкт-Петербурга «убежище для призрения» детей-сирот, назвав его в честь Святой Ольги. Учреждение получило название Петербургский Ольгинский детский приют трудолюбия. В учреждении действовал устав, согласно которому дети принимались в приют без различия вероисповедания, сословия или звания, но способные к работе по состоянию здоровья. Их обучали Закону Божию и грамоте, земледельческим, преимущественно огородным работам, и несложным ремёслам. К 1910 году в России уже существовало 36 Ольгинских приютов (14 – в губернских и областных городах, 22 – в уездных городах и сёлах). Все учреждения содержались попечительными обществами или комитетами, которые находились в ведении Попечительства о домах трудолюбия и работных домах.

В городе Сенгилее в 1899 году так же был открыт Ольгинский приют. Точная дата его основания пока неизвестна. Дата, упоминаемая В.Э. Красовским в книге «Столетие Сенгилея», вышедшей в 1902 году – 24 октября 1899 года – вызывает сомнение, т.к. в отчете за 1900 год есть упоминания о докладной записке заведующего приютом Н.Н. Захарьина от 21 июля и отчете от 13 сентября 1899 года, т.е. в июле 1899 года он уже функционировал.

Приют находился на окраине города, на перекрестке современных улиц Комсомольская и Красноармейская. Потом его территория перешла к детскому дому № 30, а затем здесь был пришкольный сад школы № 1. Председателем правления приюта был городской голова, в 1899–1912 годах Фёдор Петрович Пономарёв, затем в 1912–1917 годах – Флегонт Михайлович Баукин. Заведующим приютом, за всё время его существования, с 1899-го по 1917 год, был Николай Николаевич Захарьин (1857–1918), личность во многом примечательная. Дворянин, дослужившийся до чина статского советника, состоял в должности земского начальника 1 участка, был членом уездного съезда, казначеем СГАК Симбирской губернской архивной комиссии. Кстати, его стараниями в Сенгилее был открыт краеведческий музей.

Приют содержался на средства, ежегодно выделяемые уездной земской управой, а также на различные пожертвования и небольшую сумму, которую зарабатывали сами воспитанницы.

Например, в 1900 году на счёт приюта

поступило: от епископа Симбирского и Сызранского Никандра – 100 руб.; от Сенгилеевской земской управы (пособие) – 300 руб.; от городской управы – 416 руб. 60 коп.; членских взносов – 199 руб.; вынута из кружек при приюте и соборе – 52 руб. 24 коп.; пожертвовано разными лицами – 10 руб. 68 коп.

Заработано девочками приюта – 5 руб. 50 коп.; от проданных фотографических снимков – 18 руб. 75 коп.; от Д.Н. Ломана на ёлку детям – 15 руб. Всего 1 117 рублей 77 копеек.

На следующий год самым крупным было пожертвование из канцелярии императрицы Александры Федоровны – 735 рублей. Всего же за полугодие с 1 января по 31 июня 1901 года в приют поступило 1 356 рублей 02 копейки.

Персонал приюта состоял из трёх человек: надзирательница, сторож, кухарка. Надзирательницами приюта в 1899–1901 годах была Апполонова (имя-отчество не удалось выяснить), а в 1906–1917 годах Евдокия Петровна Гневушева (1869–1918, похоронена в Симбирске).

Первыми воспитанницами были 9 девочек от 4 до 12 лет. Вот их имена: Ефросинья Куюкина, Наталья Куюкина, Анастасия Молева, Пелагея Нестерова, Анастасия Медведева, Евдокия Наганова, Анна Наганова, Зоя Толкачева, Елена Крылова.

День в приюте начинался в 6 часов утра с ежедневной уборки помещений, затем воспитанницы помогали кухарке стирать бельё, дежурная на кухне помогала готовить и прислуживать за столом. Затем дети приступали к занятию рукоделием и общеобразовательным предметам.

По мере возможности занятия с воспитанницами проводили в своё свободное время учителя местных училищ. О.В. Серапионов вёл занятия по русскому чтению, Я.П. Жилинский – по арифметике и рисованию, В.М. Кузьмин – по чистописанию, А.В. Григорьева – по славянскому чтению, А.Д. Гороновская – по дикции и заучиванию стихов, штатный смотритель уездного училища В.И. Нечаев вёл занятия по Закону Божию, учительница церковно-приходской школы М.П. Соболева занималась уроками пения. Для преподавания Закона Божия был приглашён священник О.И. Апраксин.

По воспоминанию Анны Николаевны Турлаковой (Умновой), попавшей в приют в октябре 1916 года, дети были заняты трудом по 10–12 часов в день. Молились 8 раз в день. Ходили в церковь вечером и утром, каждый праздник и воскресенье.

Из детей был организован хор, который пел в церкви и ходил отпевать покойников. Здание было очень мало – имелись спальня, рабочая комната, столовая, кухня, «тёмная», где висела одежда. Дети носили длинные коричневые формы, чёрные фартуки по будням, а в праздник – белые. Большинство девочек до 14-летнего возраста стригли. На Рождество организовывали ёлку.

В 1900 году приютом были приобретены два ткацких станка и швейная машина для обучения девочек ткацкому ремеслу и шитью. В том году девочки сами выткали на них 62 аршина холста и 42 аршина розовой холстины, сшили 24 форменных платья, 24 рубашки.

При приюте имелся огород, на котором воспитанницы сажали картофель и разные овощи. Был разбит небольшой сад с малиновыми кустами, а двор и фасад дома обсажены тополями. Причём девочки были обязаны ухаживать каждая за своим деревом.

Кстати, информация, что приют находился в центре Сенгилея на улице Ленина, является неверной. Об этом говорят и сведения об огороде. В них сказано, например, что посадки картофеля занимали 48 кв. сажен, это более 200 кв. м, да ещё грядки с овощами, да ещё сад и двор... Для такой большой приусадебной территории в центре города просто не было места.

В отчётах было указано, что «для исправления замеченных дурных сторон принимаются соответствующие меры со стороны надзирательницы». По воспоминаниям А.Н. Турлаковой, детей ставили на колени, лишали еды, били розгами. Все наказания назначала надзирательница, которая зачастую и приводила их в исполнение.

Приют просуществовал до конца 1917 года. В 1918-м, с приходом советской власти, приют не был закрыт, а лишь переехал в новое здание, так как количество беспризорных детей росло и старое здание стало мало. Об этом говорят списки воспитанников сенгилеевского детского дома № 30 за 1925–1937 годы. В них значатся некоторые дети, поступившие в детский дом ещё до революции: Любовь Кузнецова, Анна Кожинкина, Евгения Казакова, Мария Казакова, Киселёв Ал. (так указано в документе – Ред.) – все поступили в 1916 году. Заведующей нового детского дома стала Александра Александровна Верцилиус. Но это уже другая история, история детского дома № 30, который просуществовал в Сенгилее до августа 1947 года.

Юрий Крылов,
сотрудник Сенгилеевского
краеведческого музея